

обычно делали из хвороста и обмазывали глиной...» В данном случае речь идет об одной комнате. А под рис. 9 на стр. 57, изображающим план этого дома, читаем: «План тавчу с пристройкой», т. е. имеется и комната, и пристройка. Что же представляет собой вторая половина: часть старинного однокомнатного дома или более позднюю пристройку к нему? Вернее всего, последнее. Очевидно, в прошлом ни перегородки, ни пристройки не существовало. Вся жизнь семьи проходила в большой комнате с очагом посередине (к сожалению, автор не указывает хотя бы приблизительные ее размеры). И лишь впоследствии в домах состоятельных семейств была выделена перегородкой или пристройкой вторая комната.

Тавчу тышаны характеризовалась лучшим убранством, чистотой, дым костра сюда не проникал, и она могла быть использована для приема гостей. О более позднем появлении тавчу тышаны говорит и указанная автором разница в уровне полов: в очаговой половине пол был на 20—25 см выше.

Вопрос об освещении тавчуый автор излагает противоречиво. Так, на стр. 58 говорится: «Окон в помещении не было, днем свет проникал через отверстие в крыше и через наружный вход». А несколькими строками выше читаем: «Перегородка... прикрывала сидящих у окна и защищала их от внезапного нападения».

Автор показывает большие прогрессивные изменения в жилище кумыков, происшедшие в советскую эпоху: дома стали многокомнатными, плоская земляная кровля сменяется двускатной железной и черепичной крышей; появились высокие потолки; повсеместное распространение получили большие остекленные окна; получила развитие отопительная система — от серединных очагов-костров без дымоходов до печей различных конструкций, как комнатных, так и надворных.

В книге сделана попытка показать положительный опыт строительства жилищ. Своей конструкции жилище все больше приближается к новому типу, свойственному современной сельской архитектуре. При этом удачно применяются национальные элементы декора (украшение деревянных частей дома — балоки, столбов, дверей, ставен, ворот резным орнаментом, резьба по камню, лепка по глине и т. д.). Изучение опыта народных мастеров в связи с развернувшимся после XX съезда КПСС жилищным строительством приобретает большое значение.

Глава «Одежда» — единственная пока в литературе попытка исследования одежды кумыков, причем автор подробно останавливается не только на самих предметах одежды, обуви, оружия и украшений, но подвергает рассмотрению и материал, из которого они изготовляются. Со знанием дела автор говорит о производстве тканей, обработке овчины, окраске и т. д. Уже в XIX в. привозные ткани фабричного производства начали вытеснять ткани домашнего изготовления. Но городская одежда была доступна только зажиточным людям. В настоящее время широкое распространение получила современная одежда — белье и верхнее платье, изготовленные на фабриках и в артелях.

Большие изменения произошли в питании кумыков. Наряду с мясной и молочной, широкое распространение получила растительная пища. Увеличилось потребление фруктов и овощей, стали более совершенными способы их заготовки впрок. Гастрономические и бакалейные товары, ранее не являвшиеся предметами народного потребления, также получили широкое распространение. Изменились кухонная утварь и сервировка стола.

Автор показывает, что сходство исторических судеб кумыков и других народностей Дагестана, их древние этнические, культурные и исторические связи определили и сходство их материальной культуры. Но вместе с тем элементы своего, присущего лишь кумыкам сохранились и в какой-то мере сохраняются и сейчас.

В целом рецензируемая работа представляет собой весьма ценное исследование по этнографии одной из народностей Северного Кавказа — кумыков и значительно расширяет наши знания о народах Дагестана.

М. Кургузова

Х. М. Х а л и л о в. *Лакский песенный фольклор*. Махачкала, 1959, 152 стр.

Памятники богатого народно-поэтического творчества горцев Кавказа начали записывать и издавать с 70-х годов прошлого столетия. В этом отношении особенно повезло нартским эпическим сказаниям, известным не только у всех горцев Северного Кавказа, но также у абхазцев, сванов, рачинцев и др.

На собрание и издание памятников песенного творчества горцев Кавказа обращалось мало внимания. Между тем, они представляют не меньший этнографический интерес, чем нартский эпос. Многие историко-бытовые и обрядовые песни также существуют у некоторых горских народностей, что облегчает историко-этнографический анализ этих песен. Нельзя, например, плодотворно изучать абхазские обряды и песни о человеке, пораженном молнией, не привлекая аналогичный материал осетин, или исследовать осетинские исторические песни, связанные с переселением горцев в Турцию в 1860-х годах, не зная их адыгейских, карачаево-балкарских, кабардинских, чеченских и других вариантов.

Состав и генезис отдельных сюжетов и мотивов северокавказского нартского эпоса привлекали внимание многих крупных отечественных и зарубежных ученых. Изучением же разнообразных обрядовых, бытовых, лирических и исторических песен горцев мало кто занимался. Отдельные небольшие очерки о песнях включены только в общие обзоры народного устного творчества осетин, кабардинцев и некоторых других горских народов.

Сами горцы в основном только после Великой Октябрьской социалистической революции стали планомерно и интенсивно собирать и издавать свои национальные песни. С этими песнями начали знакомить в школах, изучать их в вузах, они вошли в репертуар национальных ансамблей песни и пляски и хоров при радиокомитетах горских областей и республик. Песням Кавказа посвящены и специальные исследования в научных учреждениях на местах, где выращены кадры специалистов из среды горцев.

Рецензируемая книга Х. М. Халилова, научного сотрудника Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР, — «Лакский песенный фольклор» представляет особый интерес как одно из таких исследований песен народов Кавказа. Лак по национальности, автор, владея родным языком, хорошо ориентируется не только в идейно-художественном содержании лакских песен, но и в особенностях их изобразительных средств. Книга состоит из двух частей. В первой, после краткого введения, где Х. М. Халилов говорит об истории записи и издания лакских песен и о современной методике их собирания и публикации, дан общий обзор лирических песен лакцев, затем детально рассмотрены семейно-бытовые, любовные, шуточные песни и песни социального протеста. Во второй части, после краткого обзора эпических песен лакцев, автор анализирует героические песни и характеризует наиболее талантливых исполнителей лакских песен. При анализе песен автор широко использует историческую и этнографическую литературу.

Автор отмечает, что лакская поэтическая песня, как правило, не имеет определенной мелодии, связанной с одним песенным текстом: «На одну и ту же мелодию поются слова различных песен, или же один и тот же текст можно петь на совершенно различные мелодии» (стр. 15). Это характерно в большей или меньшей степени и для лирических песен других горских народов.

Большой группой старинных лирических песен являются семейно-бытовые, в основном о тяжелом положении женщины в семье мужа, например:

И на мельницу я,
И на молотбу я,
Мне пыльная лепешка,
А мужу — прекрасный чурек.

(стр. 26)

В песнях про отходников повествуется о разлуке девушки с любимым человеком, о тяжелом труде отходника и о несбыточной надежде его о возвращении домой хорошо обеспеченным. В песнях социального протеста выражено неотразимое желание свободы, уничтожения социального неравенства:

Как же остановить сердце в груди,
Жаждущее свободы для всех бедняков?

(стр. 37)

Чтоб сгорел в крови
Этот проклятый мир,
Где одни плачут от горя,
Другие поют от радости.

(стр. 37)

При анализе поэтических особенностей лакской лирической песни автор отмечает частое употребление диалогической речи, обилие эпитетов, повторов, антитез («У богатых над крышей солнце, а у бедных — тень крыши богатых»), гипербол, риторических возгласов, перекрестной рифмы и пр. Лакская лирическая песня большей частью четырех- и одиннадцатисложная, во втором случае — с цезурой после четвертого слога.

Так называемые героические песни насыщены историческим содержанием. В песне о Парту Патиме рассказывается о лакской девушке, которая отважно боролась с полчищами Тимура и убила двух его лучших богатырей. В песне о разгроме Надир-шаха отражено нашествие этого персидского военачальника на Дагестан в 1737—1741 гг. и тот отпор, который дали ему дагестанские народы; борьбу возглавил Муртазали, сын сдавшегося в плен лакского царя Чулак Сухрая. Отметим, что в аварском варианте этой песни есть интересное указание певца на то, как повествование об историческом событии постепенно превращается в песню: «То, что было правдой, становится преданием» или «Нынче начнешь повесть... песней она стала, поется всюду» (97). Герои этой песни именуются нартами (нарт-вырталл; стр. 94, 112), а главный герой — Муртазали — обрисован эпическими чертами:

Его руки словно столбы,
Его глаза словно тарелки.

(стр. 102)

Конь (по прозвищу «дупдул») у героя «ветряной», т. е. несущийся быстро, подобно ветру (ср. в осетинском нартском эпосе «дурдура»).

Песни о набегах, называемые иногда «песнями дедов», рассказывают о вторжениях лакцев и других дагестанцев в Грузию с целью захвата имущества и рабов, что особенно участилось при грузинском царе Ираклии II; в песнях старики протестуют против таких набегов, боясь за жизнь своих детей. Отражен в этих песнях и старинный общегорский обычай: если головной убор горянки брошен среди сражающихся врагов, бой немедленно прекращается.

Антифеодалные песни XVI—XVII вв. про Магди, кумухского Саэда, «Султана из Хуна», «Батира Хучулава» и др. рассматриваются автором с обстоятельным обоснованием исторических причин зарождения этих песен. В них звучит непримиримая ненависть к феодалам и решимость покончить не только с ними, но и с их потомством, например в песне о сожжении двух сыновей Нуцала (см. стр. 131). В песне про Бук-Магомед, одного из военачальников Шамиля, рассказывается о гибели его в бою с Аргутинским. В песне о Давди, относящейся к XIX в., описывается, как он был отравлен по приказу безжалостного лакского хана Агалара.

В главе о народных певцах указывается, что они исполняют под аккомпанемент национальных музыкальных инструментов не только традиционные песни, но и песни, сложенные ими самими.

Важно утверждение автора, что «ислам не сумел убить народную песню, которая развилась вопреки всяческим запретам» (стр. 8). К сожалению, в книге не рассмотрена обрядовая поэзия. Даже там, где упоминается о наличии у дагестанцев (следовательно, и у лаков) праздника «выхода плуга» (стр. 5), не дано его описания и не приведено связанных с этим праздником обрядовых песен. Для сравнительного анализа творчества горцев на этой проблеме также полезно было бы остановиться.

Х. М. Халилов пишет, что при анализе народного песенного творчества он отбирал «все то, что выражает народное трудовое прогрессивное мировоззрение», и поясняет свою мысль следующими словами: «Нам дороги песни, отразившие образ труженика и труженицы» (стр. 14). Но вследствие такого подхода в рецензируемой книге и выпало исследование обрядовых песен (например, песен при засухе). Лакский фольклор вообще представлен несколько односторонне. Автором опущены, без всякой мотивировки, многие жанры песен: рабочие, охотничьи, плясовые, детские и пр.

Следовало бы сказать в книге и о том, как стихи лакские поэтов-профессионалов превратились в массовые народные песни. Недостаточно четок принцип деления песен на группы. Разве, например, в группу песен о социальной жизни народа не входят песни о неволе?

Работа издана на русском языке, следовательно, рассчитана преимущественно на русского читателя. А раз это так, то следовало бы дать первыми не лакские тексты песен, а русский перевод их, притом, в интересах науки, был бы желателен, кроме поэтического перевода, и подстрочник. Необходимо было бы дать точный перевод и всех заглавий песен и пояснения лакских слов и выражений, оставшихся непереуверенными (например, *годекан*, *чагана*, *бисмиллаг*, *салават*) или переведенных малопонятно: «*хозяин головы*» (стр. 29), «*серебряная грудь*» (стр. 33) — название традиционного нагрудного украшения женщин.

Можно пожелать, чтобы издание книги «Лакский фольклор» явилось стимулом к появлению исследований о песнях различных горцев Кавказа.

Б. Алборов

М. Н. Насирли. *Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР*, 1959, 140 стр.

Нахичеванская АССР в этнографическом отношении представляет собой наименее изученную часть Азербайджана. Специальных исследований, посвященных материальной и духовной культуре местного населения, не имеется. Исключением является труд И. Шопена «Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи», имеющий к тому же лишь косвенное отношение к данному краю, да несколько более частных описаний отдельных городов и селений, выполненных преимущественно в дореволюционное время. Работа М. Н. Насирли — первая попытка более полного описания одной из сторон материальной культуры — народного жилища и сельских поселений, — имеющая целью восполнить существующий пробел в наших сведениях об этнографии республики.

Рецензируемая книга состоит из небольшого введения, трех глав и заключения. Во введении излагаются задачи и цели работы и отмечается актуальность разрабатываемой темы для истории Азербайджана и современной практики жилищного строительства в республике. В первой главе дается краткий географический и исторический обзор Нахичеванской АССР, приводятся данные о ее территории, границах, населении, политико-административном устройстве. Во второй главе рассматриваются поселения края. Описываются климат и рельеф страны, отразившиеся на характере и типе сельских поселений, подробно излагается история заселения территории республики, рассматриваются социальные и производственные отношения населения в средние века и в XIX в. Большое внимание уделено в главе вопросам планировки поселений и усадеб, причем